

Необычайный мистер Барнет

Нея ЗОРКАЯ

У нас в России имя режиссера Бориса Барнета принадлежит к числу наиболее чтимых. Он классик. «В Москве есть три царя, – шутил Эйзенштейн. – Царь-колокол, Царь-пушка и царь-режиссер Борис Барнет».

Кадрами из искрящейся барнетовской немой ленты «Девушка с коробкой» открывалась на «Мосфильме» церемония вручения «Золотого Орла». Музей кино не раз проводил ретроспективы фильмов Барнета, в том числе и тех, которые в советское время были задержаны цензурой. Киноведы и синефилы вновь и вновь обращаются к бессмертной «Окраине», шедевру 1933 года. Народ обожает «Подвиг разведчика», фильм патристический и приключенческий с благородным героем майором Федотовым, этим «пред-Штирлицем», в исполнении Павла Кадочникова. Словом, выражаясь современным языком, Барнет в России раскручен. Прекрасно знают наследие режиссера в Европе, особенно во Франции, где он издавна кумир синема.

А в Америке, оказывается, нет! Имею в виду, разумеется, не фанатов «Матрицы», которым никакого дела нет до этого «старья», а серьезную, интеллигентную и продвинутую аудиторию, посещающую специализированные кинотеатры и зал Линкольн-центра, где регулярно идет классическое и архивное кино. Так, например, в 2003-м состоялись основательные циклы: в мае – «Фильмы Шелкового пути» (то есть кинематографа стран нашей Центральной Азии), в ноябре – фильмы «Ленфильма». И вот – свершилось!

«НЕОБЫЧАЙНЫЙ МИСТЕР БАРНЕТ» («The Extraordinary Mr. Barnet»). Так – и впрямь необычайно! – была названа ретроспектива русского кинорежиссера в синаматеке Бруклинской Академии музыки города Нью-Йорка, проходившая в веселые и нарядные предновогодние дни.

Знатки истории отечественного кино догадуются, откуда игра названия: конечно, от знаменитого фильма Льва Кулешова «Необычайные приключения мистера Веста в стране большевиков» (1924). В этой озорной и остроумной комедии-пародии, первом революционном авангарде, молодой Борис Барнет играл роль ковбоя Джекки – почти натуральный ковбой в блуджинсах в качестве телохранителя американского сенатора мистера Веста появлялся на заснеженных московских улицах. Фильм этот – актерский дебют Барнета в кино – тоже был включен в ретроспективу его режиссерских работ. А для обложки буклета-гида, выпущенного к этому событию, найден был весьма необычный портрет: красавец Борис Барнет схвачен фотоаппаратом зажмурившимся в момент «получения удара в нос» – все дело в том, что до кино будущий классик экрана подвизался в боксе, на ринге же и углядел его для роли ковбоя Кулешов, постановщик фильма и руководитель новаторской кинемастерской.

Но при подобной экстравагантности (американцы это любят) программа ретроспективы и ее проведение находились на высшем уровне академической серьезности и профессионализма. Подчеркивалось, что это первый в Америке цикл-показ фильмов Барнета. Но надо признать, что несколько опоздав с «открытием» этого российского режиссера, устроители ретроспективы сумели придать ей статус важного события в художественной жизни, подготовить и осуществить двухнедельный с лишком показ фильмов, провести симпозиум, посвященный барнетовскому на-

слеديو, широко осветить бруклинские сеансы в прессе.

Перед американскими синефилами (а это весьма подготовленная аудитория) предстали «Девушка с коробкой» (1927), «Дом на Трубной» (1928), «Окраина» (1933), «У самого синего моря» (1936), «Однажды ночью» (1945), «Шедрое лето» (1950), «Аленка» (1961). Кроме упомянутого «Мистера Веста в стране большевиков», любопытным дополнением к программе стала картина Петра Луцика «Окраина» (1998 года), по названию – римейк барнетовского шедевра, а по сути – умная и ироничная фантазия на темы и образы советского экрана 30-х годов.

Радостно, что дела нашего отечественного кино идут в Нью-Йорке успешно, интерес к нему не гаснет. Не прошло и девяти месяцев после майской ретроспективы центральноазиатского кино в престижном Линкольн-центре (об этом событии было рассказано в материале «Шелковый путь добрался до Бродвея» в журнале «Кинофорум» № 2, за 2003 год), как явился на свет «Необычайный мистер Барнет». С Бродвея, где неутомимый главный киновед Линкольн-центра профессор Ричард Пенья вместе со своей постоянной помощницей, фирмой «Сигул-Филмс», и петербургскими организаторами прокрутил в ноябре ретроспективу «Ленфильма», экранное пространство Бориса Барнета высветилось в историческом здании Академии музыки на улице Лафайет в Бруклине – старинном и самом большом в городе многонациональном острове районе Нью-Йорка с населением более пяти миллионов. Синаматека Академии и коллекция MOMA (нью-йоркского Музея современного искусства) – ценнейшие фильмохранилища США. А благодаря усилиям обаятельной Адриенны Манси, фанатки кинематографа, и ее помощников, встреча нью-йоркской публики с Борисом Васильевичем Барнетом стала акцией творческого контакта двух культур.

Ну уж и наша сторона, надо сказать, постаралась!

Ретроспективу совместно готовили в Москве Конфедерация союзов кинематографистов, Служба кинематографии Министерства культуры РФ, Госфильмофонд. Ведь Барнет – давний герой и любимец всего «конфедеративного сообщества». Еще на IV Форуме кинематографий стран СНГ, Латвии, Литвы и Эстонии в 2000-м прошла ретроспектива «Борис Барнет: география творчества». В ее подготовке и проведении приняли участие кинематографисты Украины, Азербайджана, Армении, где Барнет снимал свои знаменитые картины и где его чтут и помнят «как своего» (бесценные мемуарные документы подарила тогда Форуму и Конфедерации директор ки-

евского Музея имени А.П.Довженко Татьяна Дервянко, к сожалению, безвременно ушедшая). Надо признать, что и в своем отечестве (в отличие – увы! – от иных своих достойнейших коллег) Барнет не обойден вниманием, востребован: в 2002-м, в год его столетия, в Музее кино была устроена ретроспектива «Неизвестный Барнет», а под знаком «Девушки с коробкой» прошло открытие XXIV Московского Международного кинофестиваля.

Одно дело – у себя, совсем иное – обеспечить фестивальный показ за океаном. Только тот, кто непосредственно столкнулся с практикой подобных событий, знает их оборотную сторону, полную волнений, сомнений и слез. Даже если мы откинем роковое слово «таможня» и все, что с нею реально связано при перевозке фильмокопий, все равно останется еще много чего. Даже человек с богатым воображением с трудом сможет себе представить, что требуется для программы, собранной из картин 50–70-летней давности, учитывая, что пленка «не горит», но ветшает. Лишь те, кто связан с проблемами архивного хранения копий, поймут меня. А еще есть неподкупный ОТК да еще на уровне зарубежного показа – не пропускает и все!

И американская публика как назло привередлива. Ей подавай экземпляры лучшего качества. Да еще непременно с английскими субтитрами. Перевода из кинобудки, который скромно терпят в залах старушки-Европы вплоть до «Аудитории» парижского Музея Д'Орсе, не признают. А субтитрированная старая пленка тянется, ползет. И все же специально для показа в Нью-Йорке сумели заново напечатать и субтитрировать копии. Обо всем этом лучше меня и с душевными подробностями могла бы рассказать исполнительный директор Конфедерации Галина Пешкова, она же координатор «Фильмов Шелкового пути» и «Необычайного мистера Барнета».

В команде, объединенной любовью к Барнету, агитировать друг друга не приходилось. Но, честно сказать, даже такие мощные коллективные силы не вышли бы из испытаний с успехом, если бы не было надежного американского партнерства и поддержки с берегов Гудзона. Отдельно хочется сказать о «нашем человеке» Алле Верлоцкой, главе фирмы «Seagull-Films». Алла в Москве руководила ВОМКом – Всесоюзной организацией молодежи кино. Мне приходилось бывать на организованных Аллой молодежных кинофестивалях в дальних точках нашей бывшей бескрайней родины – там все бурлило, кипело. Представляю себе, с какой тоской вспоминают в государстве Туркмен-бани о сверкающей под солнцем Фирузе, где Верлоцкая приметила талант дебютанта Актана Абыдыкалы-

кова и других режиссеров, чьи имена сейчас известны в мире. В Конфедерации, где Алла успела поработать после распада Союза, она укрепила свою преданность кинематографическому сообществу. В Америке ее квалификация, темперамент, свободный английский и – главное – любовь к родному кино сослужили добрую службу. Ей, как и немногим из наших переселенцев, удалось продолжить работу по профессии и завоевать авторитет.

Бруклинские просмотры ретроспективы Барнета проходили при полных залах. Конечно, залы академические: на 150 – 200 человек, но для архивной программы это нормально. И как всегда чужие глаза заставляют и нас поиному взглянуть на свое кино. Правда, Барнет у нашей киноведческой элиты котируется высоко, но преимущественно немой период его творчества или недавно оцененный, а не ранее упущенный критикой шедевр «Однажды ночью» с талантливой и, к сожалению, рано ушедшей из кино Ириной Радченко (ее называли «советской Лилиан Гиш»). Но вот – «Аленка», поздний барнетовский фильм, цельный, никак не входящий в обиход «музейного Барнета». Здесь же, в Бруклине, люди, как говорится, на люстрах висели – сверх-аншлаги. И бежала перед ними простая, даже в чем-то невзрачная кинолента. И бежала по разбитому тракту пятитонка – пассажиры в кузове, «люди невеликие», каждый со своими трудностями и горестями, и из их монологов, из рассказов-новелл складывалась картина жизни. И в нехитрых признаниях тех, кого соединила целина и этот грузовик, вставали вопросы человеческого бытия. Замеченное еще Белой Балашем у Барнета в «Окраине» умение создавать «образы и жесты, которые одновременно и трагичны, и комичны», не очищать серьезные вещи «от тех гротескных и комических деталей, которые могут прилипать и к самым серьезным вещам», здесь, в «Аленке», воплотилось в смешной и трогательной истории старого интеллигента – его тончайше играет бывший мейерхольдонец Эраст Гарин, раскрывающий в шутовском конфликте учителя и двух озорных первоклашек, дурчащих его насмор. Страх человека перед собственной слабостью, ненужностью. И рядом великолепный Василий Шукшин (он восхищался Барнетом-режиссером) в роли грубоватого и неотесанного тракториста, нежно и преданно полюбившего «неровню», городскую красотку, которой совершенно ни к чему ни заснеженные пространства, ни пурга, ни сугробы.

Все эти, казалось бы, наши «совковые» проблемы и реалии вполне доходили до зрительного зала, преимущественно американского. «Комизм Барнета разрушает многие наши предубеждения по поводу советского кино», – написал критик Ричард Тейлор. Ну и, конечно, восторженные рецензии дала русскоязычная нью-йоркская пресса, газеты «Новое русское слово» и «Вечерний Нью-Йорк». Ведущий симпозиума, организованный в Бруклинской Академии, были профессор Вермонтского университета славистка Дениз Янгблад; наш земляк, известный культуролог и киновед, ныне профессор Нью-Йоркского университета Михаил Ямпольский и автор этих строк (одновременно куратор ретроспективы с российской стороны). Дискуссия прошла заинтересованно, и аудитория проявила достаточную компетентность даже в специфических проблемах истории советского кино. Спор зашел о том, существует ли общее между прозой Михаила Зощенко и барнетовской комедией «Дом на Трубной» – у нас, например, об этом не писали. Или о влиянии Барнета на итальянский неореализм и французскую «новую волну». Спорили по поводу голливудской карьеры актрисы Анны Стэн, героини «Девушки с коробкой». И восхищались барнетовским «чистым кино», его самобытным лиризмом.

Барнет всегда был чуть-чуть маргиналом, сам по себе, отдельно, а сферой наблюдения избрал скромное и самодостаточное бытие простых людей вне политики и идеологии, а в гуще действительности, в суматошном, бедном, зачастую нелепом советском быту. На дискуссии говорили о том, как режиссер умел схватывать и запечатлевать непредсказуемую прелесть бытия, очарование мгновения со всем, что его составляет: воздухом, светом, шумами, музыкой. Он всегда оставался в тени персонажей, но писал их с уникальным и не передаваемым словами экранным изяществом. И как написали про Барнета в американской прессе – он «один из самых великих неоткрытых режиссеров на все времена».

● Борис Барнет
● Вера Марецкая в фильме «Дом на Трубной»

Экран и сцена